

Рустем Вахитов

Теория сословного общества: Платон и С.Г. Кордонский

RUSTEM VAKHITOV

THE THEORY OF THE ESTATES SOCIETY: PLATO AND S.G. CORDONSKY

ABSTRACT. The article draws a comparison between the concept of estate as it features in the sociological theorizations of S.G. Kordonsky and the model of ideal state introduced by Plato. According to Kordonsky, the market divides society into classes, i.e. social groups possessing equal rights before the law and differing only in their level of consumption. The 'economy of redistribution' (O.E. Bessonova) and the 'resource-based state' (S.G. Kordonsky), both commanding the distribution of resources, produce estates, i.e. nonegalitarian social groups, each with a particular bundle of rights and responsibilities and arranged in a social hierarchy. Kordonsky's model of the estate-based society displays a lot of common features with Plato's ideal polis. The only profound difference between Plato and Kordonsky in their perception of an estate-based society comes down to the following: Plato proceeds from a deep-rooted belief in conjunction between the estate-based system and the human nature as well as in the real existence of the idea of fairness, while Kordonsky's estate-based classes are conceived rather as a result of a person's self-identification with an administrative group, and the fairness is understood only in nominalistic sense.

KEYWORDS: Plato, S.G. Kordonsky, estates, classes, idea of fairness, economy of redistribution (*razdatok*).

1. Теория сословности С.Г. Кордонского

В начале 2000-х социолог Симон Гдальевич Кордонский, который работал тогда в администрации президента РФ, обратил внимание на то, что в России возрождается своеобразная «Табель о рангах» под видом серии законов о государственной службе. Это резко контрастировало с тем, что происходило в постсоветской России совсем недавно — в 1990-е гг., когда господствующей

© Р.Р. Вахитов (Уфа). Ruat_R_Vahitov@mail.ru. Башкирский государственный университет. Уфимский государственный нефтяной технический университет.

тенденцией была минимизация государства. С начала 2000-х государство взяло реванш: оно стало расширяться, создавать новые группы своих служащих, оговаривая в законах их права и привилегии и в то же время используя их для осуществления своих масштабных проектов в области обороны, жилищной политики, здравоохранения и т.д. В одном из интервью Кордонский говорит об этом:

В 2002 году появился закон «О системе государственной службы РФ»... Потом закон «О государственной гражданской службе». По закону — и вопреки Конституции — создавались категории людей с выделенным статусом... я не понимал, зачем это... А потом у меня в голове сошлось: вот эти законы о системе госслужбы — это создание новой социальной структуры (Вишневская 2012).

Кордонский совершенно справедливо увидел сходство между этими госслужащими новой формации и советской партийной номенклатурой, а также петровским служилым дворянством. В связи с этим ученый поставил резонный вопрос: почему в России с завидной регулярностью проваливаются проекты либерализации и восстанавливается служилая государственная иерархия? Для ответа на этот вопрос он и разработал свою теорию сословности.

Группы, создаваемые государством для осуществления определенных проектов, Кордонский назвал сословиями. Он дал им определение, несколько отличающееся от дефиниции одноименного термина в исторической науке:

сословие — социальная группа, которая занимает определенное положение в иерархической структуре общества в соответствии со своими правами, обязанностями и привилегиями, закрепленными в законе и (или) передаваемыми по наследству (Кордонский 2008: 26).

Итак, Россия и до революции, и в советские времена, и в постсоветский период была и остается сословным обществом, подконтрольным сильному авторитарному государству. Сословия

эти могут назваться по-разному, мимикрировать под госслужащих, профессиональные группы, но они принципиально отличаются от «веберовской бюрократии» или схожих групп западного общества.

Устойчивое воспроизведение сословной структуры в России Кордонский объяснил наличием в нашей стране во все ее исторические периоды особой, нерыночной, ресурсной или раздаточной экономики. Ресурс в теории Кордонского — противоположность товара. Ресурс собирается, хранится, а затем раздается государством — поэтому ресурсная экономика называется еще раздаточной, ее описала в своих работах экономист О.Э. Бессонова (Бессонова 2006). Благодаря раздаче ресурсов авторитарным правителем и возникает сословная структура, так как сословие, по сути, есть социальная группа, получающая право на ресурс для осуществления поставленной государством цели. Так, главным ресурсом в дореволюционной крепостнической России были земля и крестьяне. Дворяне получали их, для того чтобы крестьяне обеспечивали их и их семьи и позволяли дворянам посвящать себя службе государю — военной, гражданской или придворной. В Советском Союзе в государственный ресурс превратили практически всю собственность, в постсоветской России наиважнейший ресурс — нефтегазовый комплекс.

В обществах эгалитарного типа, подобных тем, что сложились на Западе в Новое время, привилегированные сословия были упразднены и на место сословной структуре пришла классовая, где класс — социальная группа по уровню потребления. Основные классы — высший (богатые) и низший (бедные). Расслоение на классы происходит в силу господства рыночной экономики, ведь именно рынок делает людей богатыми и бедными (одни выигрывают в рыночной конкуренции, другие — проигрывают). В сословном обществе, по Кордонскому, богатых и бедных нет; наличие у человека денег не так уж важно, имеет значение лишь какое место человек занимает в сословной иерархии (бедный дворянин все равно выше, чем богатый крестьянин).

Разумеется, в классовом обществе есть тоже госслужащие — люди в силу рода своей деятельности получающие особые полномочия (как полицейские, имеющие право носить оружие). Но там они подчиняются закону, который принимается всеми гражданами, един и обязателен для всех. Служилые привилегированные сословия ресурсного государства подчиняются не общеобязательному закону, а воле авторитарного правителя, который и пожаловал им привилегии (в случае, когда это государство мимикрирует под модернистское, такой закон существует, но фактически выполняется избирательно):

в сословной системе... нет рынка, а есть система распределения. Наверху находится какой-то человек, называется он президентом, генсеком или монархом — неважно. Он — верховный арбитр (Вишневская 2012).

Сословное и классовое общество порождают и разные модели поведения. В сословном обществе люди или служат, или обслуживают госслужащих: соответственно, сословия бывают служащие и обслуживающие. Такая структура объясняется извечным дефицитом ресурсов в подобных обществах: для государства гораздо дешевле возложить обеспечение госслужащих на обслуживающие сословия, чем тратиться на это самому.

Госслужащие получают не зарплату, а жалованье, которое соответствует не объему выполненной работы, а месту госслужащего в иерархии. Строго говоря, госслужащему не платят за выполненный труд — трудиться он должен из энтузиазма и верности правителю и государству, — а просто обеспечивают его жизнь (частично деньгами, частично — за счет принудительного труда обслуживающих сословий). В классовом обществе люди либо живут на прибыль (если они принадлежат к богатому классу и обладают капиталом), либо за счет продажи своей рабочей силы, получая зарплату. Она, как уже говорилось, зависит лишь от объема выполненной работы.

Наконец, важнейшим регулятором жизни в сословном обществе являются идеологические представления о справедливости. Кордонский утверждает:

понятие справедливости является базовым для сословного мироустройства, и... не имеет референтов в классовом обществе. Сословная социальная справедливость заключается в распределении ресурсов между сословиями пропорционально их положению в иерархии сословий (Кордонский 2008: 27).

В классовом эгалитарном обществе вместо принципа справедливости господствует принцип выгодного всем (или, по крайней мере, большинству) закона. Ведь здесь ресурс превращается в товар, а товар не раздается, а участвует в рыночном товарообмене, который является легальным и действенным, только если он совершается по закону. В результате товар оказывается не у того, кто заслужил это, по представлениям общества, а у того, у кого просто есть деньги, то есть чаще всего — у представителя класса богатых. Соответственно, классовое устройство всегда представляется несправедливым носителю сословного сознания и, наоборот, сословное устройство — незаконным носителю сознания классового (ведь чтобы возникли сословия, нужно изъять частную собственность и превратить ее в ресурс, который затем становится предметом раздачи).

Попытаемся выразить сказанное вкратце в виде таблицы:

	Экономика	Социальная структура	Государство	Тип поведения	Идеологема
Сословное общество	раздаток (ресурсная)	служащие и обслуживающие сословия; иерархия	авторитарное единоличное правление	служение	справедливость
Классовое общество	рынок (товарно-денежная)	высшие и низшие классы; эгалитаризм	классовая, представительная демократия	работа за прибыль или зарплату	закон

В начале мы говорили, что Кордонского подвиг к этим исследованиям вопрос: почему в 2000-х в России стала возрождаться

сословная структура? Ответ очевиден: потому что капиталистической эксперимент не удался. Вместо создания рыночной экономики западного типа был произведен дележ наиболее ценных сегментов советской экономики. Затем их присвоило постсоветское государство, а оно в свою очередь стало раздавать эти ресурсы группировкам, контролирующим те или иные институты государства (спецслужбы, армия, МВД, гражданские госслужащие), фактически превратившимся в соответствующие новые «сословия».

2. Сходства с теорией сословности Платона

Всякий, кто знаком с сочинениями Платона и прежде всего с его учением об идеальном государстве, не может не заметить некоторого сходства между ним и концепцией Кордонского.

Прежде всего, платоновское идеальное государство — сословное (именно в смысле иерархической разверстки прав и обязанностей, о которой говорит Кордонский). Принято считать, что оно включает себя три сословия — философов, стражей (воинов) и демиургов (ремесленников, крестьян, торговцев). Это верно, но только если мы соотносим сословия и части души человека. В плане служения, однако, это не совсем так. Философы — это всего лишь лучшие из стражей, которые оказались наиболее пригодными для управления государством и получили соответствующее воспитание. В книге 3 «Государства» мы читаем:

из стражей надо выбрать таких людей, которые по нашим наблюдениям целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе (R. 412e)¹.

Именно им и предстоит быть правителями, а всем остальным стражам суждено стать «помощниками правителей и проводниками их взглядов» (414b).

Итак, в идеальном государстве Платона в определенном смысле лишь два сословия: стражи и демиурги. При этом сословие

¹ «Государство» Платона здесь и далее цитируется в переводе А.Н. Егунова.

стражей разделяется на подсословия собственно стражей-воинов и философов-правителей, а сословие демиургов — на подсословия ремесленников, крестьян, купцов и т.д.

Почему же мы говорим именно о сословиях, а не, скажем, о классах? Потому что Платон четко заявляет, что и стражи, и демиурги имеют определенные наборы прав и обязанностей и стражи стоят выше, чем демиурги, охраняя их и управляя ими.

Привилегии стражей очевидны: они освобождены от физического труда, обязанности зарабатывать себе на жизнь, они имеют право носить оружие и использовать его в случае надобности, они не должны платить налогов (хотя бы потому, что у них нет ни денег, ни собственности), они получают от государства полное обеспечение (дома-казармы, одежду, еду, оружие, бесплатное образование, содержание их детей).

Однако очевидны и довольно тяжелы и их обязанности: защищать государство от внешних врагов и держать демиургов в подчинении законам (415e), не иметь собственности, денег, не прикасаться к золоту и серебру (416de–417a), не иметь семей, не знать своих детей, передавая их общественным воспитателям, отдавать детей стражей в низшее, производящее сословие, если выяснится, что они не способны быть стражами (415bc).

Точно так же производители обязаны подчиняться стражам, обеспечивать их всем необходимым, передавать им своих детей, если выяснится, что они имеют способности стражей; но демиурги имеют и ряд привилегий, которых лишены стражи: владеть землей, личными домами, создавать семьи, самим воспитывать детей, если им суждено тоже стать демиургами, пользоваться деньгами, заниматься торговлей (419a).

Перед нами строго иерархическое двухсословное общество.

Платон не так уж много внимания уделяет хозяйственной стороне жизни стражей. Афинский философ — мистик и идеалист, его больше интересует мир эйдосов, участь души и ее структура, воспитание стражей. Тем не менее при желании мы можем найти

упоминания о том, как производится материальное обеспечение стражей. В конце книги 3, где говорится о быте стражей, читаем:

не стоит ли устроить их жизнь и жилища примерно вот каким образом... ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда бы не имел доступа всякий желающий. Припасы, необходимые для рассудительных и мужественных знатоков военного дела, они должны получать от остальных граждан в уплату за то, что их охраняют. Количество припасов должно хватать стражам на год, но без излишков. Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща... Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром (R. 416de).

В диалоге «Критий» Платон изображает Афины, какими они были 9 тысяч лет назад, и утверждает, что они представляли собой тогда то самое государство философов-стражей, которое описывалось в диалоге «Государство». Обеспечение стражей мыслитель описывает там схоже:

Обитали в нашей стране и разного звания граждане, занимавшиеся ремеслами и земледелием, но вот сословие воинов божественные мужи с самого начала обособили и оно обитало отдельно. Его члены получали все нужное им для прожития и воспитания, но никто ничего не имел в частном владении, а все считали всё общим и притом не находили возможным что-либо брать у остальных граждан сверх необходимого (Criti. 110cd)².

Безусловно, рисуемая Платоном картина наилучшего государства представляется странной, но все же, очевидно, перед нами изображение именно ресурсного государства и экономики раздатка. Ведь мы говорим о ресурсном государстве везде, где основные необходимые для жизни блага не продаются и покупаются на рынке, а сдаются производителями государству, а затем раздаются по сословиям, причем часть тратится на содержание высшего, управляющего сословия. В идеальном государстве Платона (и в его воплощении — древнем Афинском полисе) дело обстоит

² «Критий» Платона цитируется в переводе С.С. Аверинцева.

именно так. Стражи-воины и философы сами ведь не занимаются сельским хозяйством, скотоводством, не шьют одежду, не делают оружие, не строят для себя казармы, столовые, гимназии, а простолюдины — не воюют. Созданием материальных благ занимаются крестьяне, скотоводы, строители, ткачи, оружейники — представители сословия демиургов. При этом необходимые стражам вещи демиурги не продают стражам (чего бы они и не смогли сделать, потому что у стражей по закону нет и не может быть денег), а сдают им (впрочем, между собой демиурги могут вести торговлю, так как им не запрещено располагать собственностью и деньгами). И хотя Платон об этом не пишет, легко догадаться, что сдают они все произведенное для стражей специальным должностным лицам из числа стражей. Те приходят в поселения демиургов (поскольку, согласно диалогу «Критий», стражи живут отдельно от демиургов, на возвышении, в Акрополе), забирают определенное количество пищи (такое, чтоб его хватило всем стражам на год), а также определенное количество одежды, оружия, затем все это перевозят в поселение стражей, на Акрополь, помещают на складе. Затем же по мере надобности раздают (пищу передают в столовые, одежду — тем, у кого она износилась). Перед нами типичный пример ресурса, который отчуждается от его производителей (или, что тоже самое, — сдается ими государству), а затем раздается.

Отсюда, между прочим, видно, что демиурги обеспечивают всем стражей, то есть обслуживают их, иначе говоря представляют собой обслуживающее сословие. Стражи же служат — философам, которые воплощают идею справедливости, а философы — самой идее справедливости. Возможно, высшим воплощением идеи справедливости, согласно афинскому философу, является царь-философ. У Платона есть несколько мест, которые намекают на то, что идеальное государство философов не обязательно является республикой, а вполне совместимо с царской властью. Первое такое место — книга 6, где Платон пишет:

ни государство, ни его строй, так же как и отдельный человек, не станут никогда совершенными... пока по божественному наитию сыновья нынешних властителей и царей, либо они сами не окажутся охвачены страстью к подлинной философии (499bc).

Второе место — из книги 9, где Платон рассуждает о том, что царь в 729 раз ближе к подлинному удовольствию, чем тиран (587e), и из рассуждений понятно, что имеется в виду справедливый царь, который правит справедливым совершенным государством. Если это так, то стражи служат царю, который является единоличным раздатчиком ресурсов, что еще больше сближает эту модель с теорией Кордонского.

Так мы находим у Платона описанное Кордонским разделение структуры сословного общества на высшее, служащее сословие и низшее, обслуживающее.

Наконец, в концепции Платона, как и у Кордонского, центральную роль играет понятие справедливости. Идеальное государство — не что иное, как воплощение эйдоса справедливости, и именно поэтому правителями в нем должны быть философы; ведь кто, как не философ, способен при помощи умозрения проникнуть в эйдос справедливости, понять его, а затем при помощи обычных стражей заставить демиургов подчиниться этой высшей справедливости. Платон дает и определение справедливости: это принцип, согласно которому каждое сословие занимается своим делом, предназначенным ему самой природой, и получает всё необходимое сообразно природным задаткам. Платон пишет:

заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и есть справедливость... всего более способствует совершенствованию нашего государства то, что каждый делает свое, не разбрасываясь и не вмешиваясь в посторонние дела (433a–d),

и чуть выше:

при росте и благоустройстве нашего государства надо предоставить всем сословиям иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным задаткам (421c).

Таким образом, философы-стражи занимаются созерцанием эйдосов и организацией общего строя государства в соответствии с эйдейтической гармонией, обычные стражи — исполнением приказов философов, поддержанием предписанного ими порядка в государстве, а также отражением внешних угроз, демиурги — производительным трудом, воспитанием своих детей, обеспечением стражей. Демиург не должен править, правитель не должен трудиться; служащее сословие служит, обслуживающее — обслуживает, таков закон справедливости, управляющий сословным обществом. Причем, и у Платона, как у Кордонского, каждый получает не в соответствии с тем, сколько он сделал, а в соответствии с тем, какое место он занимает в иерархии государства. Вспомним, что и у Кордонского:

Сословная социальная справедливость заключается в распределении ресурсов между сословиями пропорционально их положению в иерархии сословий (Кордонский 2008: 27).

Только у Платона эта иерархия совпадает с природной, и способности, необходимые для исполнения задания какого-либо сословия, являются врожденными. Поэтому принцип справедливости и получает такое выражение: «надо предоставить всем сословиям иметь свою долю в общем процветании *соответственно их природным задаткам*» (курсив мой — Р.В.) (421c), то есть — соответственно их положению в социальной иерархии.

Мы выявили сходства теорий сословности Кордонского и Платона. Они сводятся к тому, что в сословном государстве должны наличествовать:

- 1) Раздаток или ресурсная экономика.
- 2) Получение сословиями ресурсов в соответствии с их местом в социальной иерархии.
- 3) Служащие и обслуживающие сословия.
- 4) Идея справедливости как главный организующий принцип сословного общества и государства.

Сходства эти объяснить не трудно. Кордонский создавал свою теорию, эмпирически изучая советское и постсоветское общество. Платон выводил свое идеальное сословное общество логически, из идеи справедливости, но трудно спорить с тем, что он опирался и на анализ эмпирического материала своего времени — реалий греческого полиса. Марксистский подход к древнегреческой истории, до сих пор имплицитно присутствующий в отечественном антиковедении, делает акцент на товарно-денежных, рыночных отношениях в полисе. Это мешает заметить, что полис был, без сомнений, ресурсным государством и что он имел множество форм раздаточной экономики. Главным ресурсом была, конечно, земля, которая находилась в частной собственности граждан, но с определенными ограничениями: гражданин не мог продать свой участок кому угодно, но только другому гражданину. Таким образом земля всё равно оставалась в пределах гражданской общины, и только лишь меняла хозяина, то есть передавалась другому за деньги с согласия полиса. И это не говоря о том, что имелась общественная земля, которая обрабатывалась общественными рабами и на доходы с которой поддерживались храмы и осуществлялись различные раздачи. Их было так много (хлебные, денежные и даже «театральные»), что некоторые антиковеды говорили о специфическом «античном социализме» (Гиро 2002: 205).

Кроме того, полис, даже демократический, был, без сомнений, сословным обществом. Граждане в нём разделялись на неравноправные категории по принципу происхождения, кроме этого, все граждане в целом составляли высшее сословие по отношению к метекам. А.Ф. Лосев в последнем томе «Истории античной эстетики» — книге «Итоги тысячелетнего развития» — высказал парадоксальную мысль, что и рабы, как и рабовладельцы, были не классами в марксистском смысле, а, скорее, сословиями:

Но тогда отношения раба и рабовладельца придется мыслить не в специфически классовом, а в *сословно-правовом* смысле. И в нашей научной литературе была внушительная попытка отно-

шения рабовладельцев и рабов в античности понимать не в чисто классовом смысле, поскольку класс, как явление чисто экономическое, возник лишь в Новое время в связи с появлением буржуазно-капиталистической формации (Лосев 2000: 500).

Таким образом, современный Платону полис предоставлял Платону много материала для создания теории сословности и модели идеального сословного общества.

3. Различия теорий сословности Платона и Кордонского

Однако нетрудно заметить, что существуют и значительные различия между теориями Платона и Кордонского. В основе позиции Кордонского лежат как минимум три метафизические и даже оценочные предпосылки — социологический конструктивизм, философский номинализм и либерализм. Проще говоря, он воспринимает сословия, да и другие социальные группы, не как реально существующее социальное бытие, а как следствие отождествления (идентификации) себя людей с определенными образами и идеями:

Они (структурированные части общества — Р.В.) возникли там, где в какой-то степени совпадают представления о существовании (имена) социальных групп, вводимые исследователями, и самоидентификации членов этих групп (Кордонский 2008: 24).

То есть сословие по Кордонскому начинает существовать только тогда, когда люди начинают соотносить себя с образом представителей определенного сословия.

С этим методологическим индивидуализмом вполне логично связан, с одной стороны, номинализм по отношению к идее справедливости (она воспринимается лишь как субъективные текущие представления людей), с другой стороны — политический и экономический индивидуализм и эгалитаризм или либерализм. Кордонский неоднократно упоминает, что классовую структуру он считает «нормальным» политическим строем, а рыночную

экономику — «нормальной» экономикой или даже «просто экономикой», а сословная структура и раздаток — это нечто «искусственное».

Естественно, у Платона совершенно другие метафизические предпосылки и оценки. На месте методологического конструктивизма у него методологический эссенциализм. Проще говоря, по Платону не существует врожденного равенства. Именно этот фундаментальный для греческой мысли факт является причиной разверстки общества в систему сословий, а не в систему классов. Люди рождаются с разными способностями: одним лучше удаётся пахать землю, другим — строить дома, третьим — шить одежду, четвертым — воевать, пятым — заниматься науками. Иными словами, люди по природе своей, а не только лишь по самоидентификации, принадлежат к разным сословиям. Лучшее общество — это такое, где каждый занимается тем делом, к которому у него есть природные задатки, поэтому в нем демиурги добывают материальные ценности, воины — воюют, правители — правят, а для того чтобы последние две группы спокойно занимались своим делом, не отвлекаясь на занятия, связанные с физическим трудом, которые им не даются, первая группа должна их всем обеспечивать. Так из различия природных способностей Платон логически выводит необходимость сословного общества в самом начале «Государства».

Собственно, тем и отличается позиция Платона от позиции современного демократа, которая строится на антропоцентрической парадигме с ее верой в универсализм человека. Современный демократ считает, что человек действительно универсален, а не создан для одного узкого занятия, что каждый человек может быть и работником, и судьей (в суде присяжных), и воином (в набранной по призыву массовой армии), и политиком (как гражданин, участвующий в выборах). Именно эта идеологема, а не только лишь рынок, делает возможным классовое, бессословное общество или, во всяком случае, заставляет стремиться к нему.

Тут мы подошли к следующему существенному отличию теории сословности Платона от аналогичной теории Кордонского — реализму³ по отношению к идее справедливости. Платон выводит сословность не из низшего этажа социальной реальности — экономики (потому и об экономической жизни идеального государства у него почти ничего не сказано), а из высшего, идеально-го бытия — из идеи справедливости. Причем идея эта, по Платону, конечно, — не мысль в сознании человека, как у номиналистов, а эйдос, объективно существующий в сверхфизическом идеальном мире, организующем и оформляющем низший мир материальных вещей. Собственно, необходимость аристократического правления непосредственно вытекает из устройства универсума, как его представляет себя Платон, и это прекрасно показал еще А.Ф. Лосев в своей ранней работе «Социальная природа платонизма». Как в универсуме начало общности (идеальное) господствует и управляет единичным (материальными вещами), так и в государстве воплощенное общее — аристократ-философ, который есть функция рода, а не просто единичная личность, должен править простолюдинами — безродными индивидуумами:

существует идея... это значит в социальном бытии есть момент, который несет на себе чистую идею... должен быть общественный класс, который является носителем идеи, созерцателем идеи, специфическим проводником идеи в материальный мир. Платон называет таких людей философами (Лосев 1993: 813)⁴.

Наконец, либерализму в экономике и политике в концепции Кордонского соответствует у Платона плановое, раздаточное хозяйство (ведь стражи должны планировать, сколько всего им по-

³ В средневековом смысле слова.

⁴ Добавим к этому, что либеральная демократия тоже вытекает из определенного представления об универсуме, имя которому механистически-атомистическая парадигма, в ней вещи представляют собой совокупности индивидуумов-атомов, равноценных, подчиняющихся лишь внешним грубым силам, движущихся в мертвом гомогенном пустом пространстве, где нет ни верха, ни низа, ни иерархии, ни структуры.

надобится на год, прежде чем забрать это у демиургов) и ненаследственная аристократия.

Легко увидеть, как бы выглядел современный либеральный идеал, задающий мировоззренческую оптику теории Кордонского, с точки зрения учения Платона. «Нормальное» для либерала бессловное классовое общество — это платоновская демократия, обслуживающее сословие, которое свергло своих аристократов (правителей и стражей) и пытается само собой управлять. Это у него получается не очень хорошо, Платон сравнивает такое общество с кораблем, матросы которого взбунтовались, напоили вином кормчего, который единственный умел различать созвездия, ветры, течения, и захватили корабль, будучи уверенными, что и им, невеждам, ничего не стоит управлять судном (R. 488c–e, 489c). Результаты демократического правления будут плачевными, предупреждает Платон: обезумевшая от свобод толпа выберет правителем софиста и тирана, который начнет с лести народу, а закончит жесточайшим его угнетением:

чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством (564a).

Либеральный самодостаточный индивидуум, который не хочет никому и ничему служить, а живет, преследуя лишь свои интересы, для Платона — вырожденный тип, не способный подняться до осознания того, что есть нечто высшее, чем биологическое существование, и вдобавок к тому презирающий людей, которые способны видеть и преследовать эти сверхбиологические идеальные цели и которые в «нормальном» (разумеется, с точки зрения Платона) обществе были бы его господами. Проще говоря, либеральный индивидуум — это эмансипированный, развращенный и много возомнивший о себе простолюдин-демиург, член обслуживающего сословия, рожденный для обслуживания аристократии — стражей и философов.

Наконец, господство рынка в либеральном обществе — это вопиющее нарушение одного из главных этических принципов

платоновского сословия демиургов — умеренности. Поскольку демиурги утратили истинную цель их труда — создание материальных благ для высших сословий, — они погрязают в вещизме, бесконечной и бессмысленной гонке за новыми и новыми богатствами и комфортом, придающей иллюзорный смысл жизни. При этом рынок десемиотизирует всё достоящее самим демиургам: если в идеальном сословном обществе материальные блага, которые оставляли бы демиургам раздающие, высшие сословия, были бы знаком благодарности государства за труд демиургов, признанием их вклада в общее дело государства философов, живущего ради утверждения высшего идеала справедливости, теперь это просто товары, которые можно просто потреблять. В результате бытие демиурга теряет сложность и полноту, он становится одномерным человеком.

Так, возможно, оценил бы Платон то общество, которое как некая норма противопоставляется нынешними либералами сословному обществу.

4. Эвристическая ценность теории сословности Платона. Законы сословного общества

К теории сословности Платона можно относиться по-разному. Разумеется, для современного либерального человека она выглядит крайне странно, чужеродно, а порой даже пугающее. Тем не менее, это не основание для того, чтобы отрицать ее эвристическую ценность. Платон создал идеальную модель сословного общества (естественно, на языке своей эпохи и культуры), которая позволяет лучше понять и общества того же типа (иерархические, сословные, с авторитарным политическим строем и экономикой раздатка), но только существовавшие недавно, как СССР, или существующие в наши дни, как Россия после 2000 года (разумеется, нельзя отрицать, что эти современные общества наряду с чертами сословных имеют и черты иных, современных обществ)⁵.

⁵ Благодарим за замечания д. филос. н. А.И. Резниченко (РГГУ).

По сути, Платон сформулировал основные законы, которым подчиняются общества этого типа. Ряд их был переоткрыт Кордонским, и мы их уже приводили (о существовании в этом обществе служащего и обслуживающего сословий, экономического раздатка, идеологемы социальной справедливости).

Но есть еще и другие законы сословного общества, открытые Платоном, причем некоторые из них до сих пор воспринимаются как блажь и фантазия. Возьмем, к примеру, требование Платона, чтоб в его идеальном государстве философы и воины не имели частной собственности, земли, домов, и даже не прикасались к деньгам, а также золоту и серебру. Платон придает этому требованию большое значение и в книге 8 утверждает, что ослабление отбора правителей и появление у них частной собственности ведет к краху идеального государства.

Как только ни характеризовали Платона за эти странные предположения различные философские писатели — и как первого коммуниста, и как сторонника тоталитаризма, и просто как утописта, к старости впавшего в чудачество! Тем не менее, перед нами, пусть и в несколько гипетрофированном виде, вполне здравая мысль, указывающая на то, что является полезным, а что вредным элите сословного общества. Мысль эта интуитивно была понятна многим государственным деятелям и даже нашла свое выражение (разумеется, в более умеренной форме) в законах и подзаконных актах некоторых реальных государств. Речь всего лишь о том, что желательно, чтобы в сословном обществе члены высшего служащего сословия обеспечивались всем необходимым государством, жили за счет жалованья, государственных раздач и трудовой повинности приставленных к ним членов обслуживающих сословий и ни в коем случае не обеспечивали себя сами, за счет рыночных операций.

Так и обстояло дело с партноменклатурой в сталинском СССР: всё, чем они пользовались — квартиры, дачи, служебные машины, — принадлежало государству и не было их частной собственностью; более того, для членов высших сословий СССР торгов-

ля была под строжайшим запретом (она разрешалась в ограниченном объеме лишь обслуживающему сословию крестьян-колхозников). Из этого же разряда запрет для российских госслужащих на занятия бизнесом или полное гособеспечение президента страны. Просто Платон довел эту идею до логического завершения, но на то он и создавал идеальную модель сословного общества.

Следующий закон: низшее обслуживающее сословие должно иметь, напротив, некоторые послабления в плане частной собственности, денежных операций, торговли. В идеальном государстве Платона демиурги в отличие от аристократов-стражей имеют свои дома, участки земли, торгуют и богатеют. Но и в сталинском СССР, как уже говорилось, колхозники имели право торговать излишками на специальных колхозных рынках в городах, а горожан за попытку заниматься торговлей строго наказывали. Идея понятная: члены обслуживающих сословий могут и сами частично себя обеспечивать — промыслами, торговлей, тогда государству меньше придётся на них тратиться.

Еще одно «странное», но вполне резонное предложение Платона — об общественном воспитании детей элиты. Разумеется, ни в одном из реальных государств за всю историю не дошли до такой крайности, которую предлагал Платон — отнимать у членов элиты детей и передавать их на воспитание специальным общественным воспитателям, с тем чтобы члены высшего сословия даже не знали, кто является их ребёнком. Однако сама мысль о том, что для сословного общества губителен протекционизм членов элиты по отношению к своим детям в ущерб кандидатам в элиту, кто мог бы стать достойными руководителями, вполне здрава и осознавалась многими. Более того, воспитание элиты — очень важная проблема любого сословного общества. В Великобритании — стране, которая одна из немногих на Западе сохранила кое-что из аристократического правления, члены элиты до сих пор отправляют своих детей в школы-интернаты закрытого типа. Политолог С.Г. Кара-Мурза отмечал, что вообще в странах

Запада в школах для элиты гораздо более строгие и авторитарные порядки, чем в общедоступных школах для бедных.

Как видим, теория сословности Платона не утратила своей значимости до сих пор и обращение к ней позволяет углубить современное социологическое исследование обществ сословного типа.

Литература

- Бессонова, О.Э. (2006), *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации*. Москва: РОССПЭН.
- Вишневецкая, Ю. (2012), *Как устроена Россия. Интервью с С.Г. Кордонским*. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2012/08/kak-ustroyena-rossiya/
- Гиро, П. (2000), *Быт и нравы древних греков*. Пер. Н.И. Лихаревой. Смоленск: «Русич».
- Кордонский, С.Г. (2008), *Сословная структура постсоветской России*. Москва: Институт фонда «Общественное мнение».
- Лосев, А.Ф. (1993), *Очерки античного символизма и мифологии*. Москва: «Мысль».
- Лосев, А.Ф. (2000), *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. В 2 кн. Книга 1. Харьков: «Фолио»; Москва: «АСТ».
- Bessonova, O.E. (2006), *Razdatochnaya ekonomika Rossii. Evolyutsiya cherez transformatsii* [Economy of redistribution in Russia. Evolution through transformations]. Moscow: ROSSPEN.
- Vishnevskaya, Yu. (2012), *Kak ustroyena Rossiya. Interv'yuy s S.G. Kordonskim* [How the economy of Russia is structured? Interview with S.G. Kordonsky]. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2012/08/kak-ustroyena-rossiya/
- Kordonsky, S.G. (2008), *Soslovnaya struktura postsovetsoy Rossii* [The estates structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoye mneniye».